

СЛОВО СОЛДАТА ПОБЕДЫ

Гвард
545
ПОБЕ
РР
КЗР
Орел
БЕР
УРА!
9.5.1945
Линь

Я танкист от Москвы
Бисенев
7 мая 1945 г. М. дошли до Бер
45, 11, 80, 5

Здесь
были
Старши
майор Б...
Капитан Свиг...

ЩЕПТУН В. В. С...
Томск

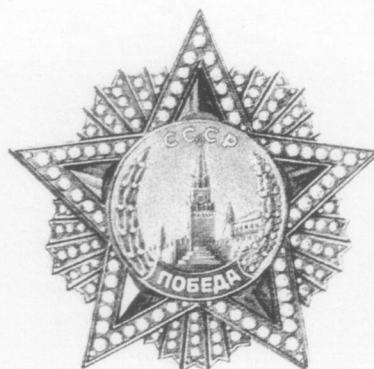
дошли до р...
о. В. В. В. В.

**ББК 63.3(2)622.78
С48**

**Издание осуществлено при финансовой поддержке
Московского городского Совета ветеранов войны, труда,
Вооруженных Сил и правоохранительных органов**

ISBN 978-5-7030-1192-8

© Издательство Патриот, 2018
© Художественное оформление и макет
В.Н. Кошелева, 2018

СЛОВО СОЛДАТА ПОБЕДЫ

МОСКВА • ИЗДАТЕЛЬСТВО ПАТРИОТ • 2018

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В.И. Долгих (*председатель*)

В.Н. Кошелева (*зам. председателя*)

Н.Т. Антошкин, В.А. Золотарев, А.Г. Левин,

А.А. Логинов, И.А. Слухай, А.М. Соколов, А.В. Чистяков

Александр Григорьевич МЫСЛИВЧЕНКО

Родился в 1924 году на Украине в г. Сумы в семье педагогов. По возрасту воевать не взяли, поэтому поступил в Харьковский авиационный институт. Вскоре институт вместе с авиационным заводом был эвакуирован в Казань, где проучился до второго курса. В августе 1942 г., был призван в армию. Направлен в Московскую школу радиоспециалистов. После окончания радиошколы в феврале 1943 года направлен в действующую армию в 97-й гвардейский минометный полк на должность командира отделения радиосвязи управления полка. Участвовал в Орловско-Курской битве,

в форсировании Днепра, Корсунь-Шевченковской и Яссо-Кишиневской операциях, освобождении Румынии и Венгрии. После войны закончил МГИМО, защитил докторскую диссертацию, стал профессором, специалистом по истории зарубежной и отечественной философии, философской антропологии и политической философии. Ведущий научный сотрудник Института философии АН РФ.

ВСПОМИНАЯ ТЕ ГРОЗНЫЕ ВОЕННЫЕ ГОДЫ

Начало войны совпало с важным событием в моей жизни — завершением среднего образования и проблемой выбора высшего учебного заведения. Наша семья проживала на северо-восто-

ке Украины, в г. Сумы, где отец был директором семилетней школы. В октябре 1941 года немецкие войска уже подходили к Киеву. Многие начали паковать чемоданы и организовывать эвакуацию предприятий и учреждений. Отец добровольно ушел в армию, воевал в артиллерии и в 1944 году, погиб на фронте в Белоруссии (о его необычной судьбе, связанной с первыми шагами по организации Чеховского музея в предместье г. Сумы в 30–40-х годах прошлого века см. мою статью «Я скучаю по Луке» в «Литературной газете» за 2010 год, № 30). Мать, работавшая учительницей украинской литературы, сказала, что она никуда не поедет и останется в городе вместе с моим младшим братом. Он был моложе меня на три года, и оставшись в оккупации, едва избежал отправки на работы в Германию, а после освобождения Украины вступил в Красную Армию и принял участие в войне с Японией на Дальнем Востоке.

Я же должен был решить, что делать дальше. В первый класс я пошел раньше на один год, чем положено было, и поэтому к началу войны был еще не призывного возраста. Надо было поступать в какой-то институт. Послал документы в Харьковский авиационный. Там меня приняли и сказали, что институт вместе с авиационным заводом вскоре будут эвакуированы в Казань и частично в г. Молотов (нынешняя Пермь). С этого времени началась моя полностью самостоятельная жизнь, без связей с родителями. Кругом свирепствовала карточная система на продукты, товары, обеды в столовых и т. п. Что это такое, могут представить только те, кто через нее прошел. Так, в Казани было единственное место, где можно было по коммерческой цене заказать салат из свеклы, ресторан «Татарстан», при этом очередь надо было занимать с утра. В Казани я проучился до начала второго курса, и когда мне исполнилось 18 лет, был призван в армию в августе 1942 года.

Меня направили в Московскую школу радиоспециалистов, размещавшуюся в зданиях бывшего торгового техникума на станциях Перловская и Тайнинская Ярославской железной дороги. Курсантов обучали работе на военных радиостанциях переносного типа. Запомнились уроки азбуки Морзе и еще больше — уважительное отношение командного состава к курсантам. После окончания радиошколы в феврале 1943 года наш выпуск направили в действующую армию.

Погрузившись в крытые автомашины вместе с переносными радиостанциями, мы двинулись на юг по центральным областям России. Проезжая Тульскую область и где-то останавливаясь на ночлег в деревнях, обратил внимание на тяжелые условия жизни крестьян. Избы состояли из двух половин: в одной люди, а в другой скотина — коровы, овцы или что-то еще. Тонкая дверца служила перегородкой между жилым помещением и местом, где находилась скотина. Везде грязь. Думаю: как же так, у них такой чернозем, примерно как на Украине. Да тут сады можно рассаживать, парки, а видим голое место! Вот село. Почему там такая скудная растительность? А если и есть садик, так это какой-то мизер: одна вишня, одна яблоня. Садов настоящих не видно.

Через некоторое время нас посадили в воинский эшелон и отправили дальше на юг. Эшелон прибыл на станцию Валуйки, недалеко от Белгорода, где проходила линия фронта. Вскоре по прибытии послышались вой сирен воздушной тревоги и гул немецких бомбардировщиков. Мы бросились бежать в пристанционные бомбоубежища — узкие земляные щели. Раздалось оглушительные взрывы. Вспоминаю, что когда мы сидели в щелях, а невдалеке разрывались авиабомбы, то воздушно-звуковые волны оказывали сильнейшее давление на барабанные перепонки. Это меня поразило. То есть страха не было, что настал конец, наоборот, возникал тревожный интерес: а что это такое? Что происходит?

После налета многие вагоны оказались разбитыми, некоторые из них стояли дыбом, на двух колесах, кругом дым и пожары. Санитары на носилках выносили раненых и убитых. Оставшихся распределили по различным воинским частям. Это было мое первое «боевое крещение».

Мне повезло: я оказался в 97-м гвардейском минометном полку (реактивные системы залпового огня, прозванные «катюшами») в должности командира отделения радиосвязи управления полка. Командиром полка был полковник М.М. Чумак, его заместителем по политической части — подполковник Корчигин, начальником штаба — майор Середюк. Моим непосредственным начальником был капитан Л.И. Буняк. Полк с боями продвигался на запад в составе 7-й и 4-й армий 2-го Украинского фронта. Полное название полка было — 97-й гвардейский минометный Кировоградский Краснознаменный орденов Б. Хмельницкого, Суворова полк (Гв.МККоБ.ХСП).

Моей задачей было обеспечить устойчивую радиосвязь штаба полка (радиопозывной «Гранит») с командиром полка («Смела»), тремя дивизионами («Арфа», «Нарва», «Якорь»), а также с командующими 40-й армией («Бином»), 51-м корпусом («Аммонал») и с оперативной группой («Расход»). Работали чаще всего посредством микрофона, то есть голосовой связью, но важные военные данные старались кодировать и передавать азбукой Морзе.

Настало 4 июня 1943 года. Рано утром мы ждали, что немцы должны перейти в наступление, нас предупреждали об этом. Но оказалось, что мы сами первыми открыли упреждающий артиллерийский огонь — на час раньше, чем немцы. В результате они пришли в замешательство и некоторое время не могли опомниться: что это с ними случилось? Они не ожидали этого.

Смотрю я в сторону фронта и вижу, как слева летит армада немецких бомбардировщиков — медленно, но уверенно. Но летят они не в нашу сторону, а как бы вдоль линии фронта, с юга на север. И я удивился: почему летят туда, а не на нас? Оказывается, там был как бы мешок возле Орла, немцы хотели его отрезать. Поэтому самолеты шли так, чтобы перерезать эту горловину. Началась Орловско-Курская битва. Всем известно, чем она закончилась.

В ходе войны начал чувствоваться явный перелом: теперь мы уже не отступали, а шли только вперед. Наш полк участвовал в форсировании Днепра, Корсунь-Шевченковской операции в самом центре Украины, Яссо-Кишиневской операции. Через Бессарабию мы вышли на Румынию, оттуда — в Венгрию на Дебрецен.

Особого упоминания заслуживает подвиг бойцов 388-го дивизиона нашего полка под командованием майора Н.Д. Кравца (кстати, в настоящее время мы с ним поддерживаем связь в Москве). Они в сентябре 1943 года вместе с 81-й гвардейской стрелковой дивизией 25-го стрелкового корпуса первыми переправились на правый берег Днепра и семь дней удерживали захваченный Бородаевский плацдарм (севернее Днепродзержинска) до подхода других воинских частей.

Большинство из нас впервые в своей жизни оказались за границей. Впечатления были довольно неожиданные. Они начались еще с осмотра разбитой немецкой техники. И что меня удивило? Вот ящики для

снарядов. Наши ящики — нередко из обычных неструганных досок, наспех как-то сколоченных. У них же тот ящичек — целое произведение искусства: гладенький, покрашенный, ремешки сбоку тщательно приделаны, чтобы нести было удобно. Просто хоть бери и делай из него чемоданчик (некоторые так и поступали). Немного он был тяжеловатый, но зато очень аккуратно сделанный. То был определенный признак культуры, пусть и в военной области. Далее — то, что мы видели в вещевых мешках убитых немецких солдат. Что они с собой носили, какие вещи? Наш солдат никогда такие вещи с собой не носил, это считалось барством носить при себе всякие флакончики, какие-то штучки для ухода за лицом, еще какую-то галантерею.

В Румынии и Венгрии мы посмотрели, как жили крестьяне. При всей бедности они неплохо выглядели, у каждого было свое подворье, свои виноградники, свое самодельное молодое вино. Оно оказалось довольно коварным: пока его пьешь, кажется, что оно не крепкое, можно пить больше. Но потом так развезет, что трудно с собой совладать. Так и случилось однажды со мной. Изрядно выпив, я подходил к командирам и, похлопывая их по плечу, говорил: «А помнишь...» и так далее, то есть вел себя не совсем подобающим образом. За такое поведение меня посадили на «губу» и, согласно уставу, сняли ремень. Через некоторое время мне говорят: «Вас вызывают на заседание партбюро штаба полка». И под конвоем меня приводят: «Мы вас будем принимать в кандидаты в члены партии». Я стоял без пояса. Но все-таки приняли. Значит, в тех условиях какие-то вынужденные послабления допускались.

В моем архиве сохранился журнал входящих радиogramм за 1944 год. В качестве образца привожу ксерокопию одного из дивизионных донесений (в Венгрии). Слова в тексте «играл коробочками» означают «давал залпы «катюшами», а «15-му» — закодированная должность старшего командира:

«1) 15-му. Наши вышли в район безымянного хутора, что западнее 2000 м Такта-Кенез. Овладели Недь-Чегер и безымянной высотой 1000 м юго-западнее Трюдь.

2) Противник оказывает упорное огневое сопротивление, переходя в контратаки. Контратаки отбиты.

3) Играл двумя коробочками в 11–40 по скоплению контратакующей пехоты и танков на северо-западной окраине Трюдь. $x = 27400$, $y = 18400$. 842 # $x = 942\ 049\ 945\ 045\ 957$, $y = 949\ 948\ 028\ 9570$. Расход = 30 шт. Цель накрыта.

4) 844 # 347 948 754, исправных 929049 #.»

Итак, дошли мы до венгерского города Дебрецен. И вдруг в октябре 1944 года слышим, что нашу часть отправляют на переформирование в Москву. По прибытии нас разместили под Балашихой, рядом с Новой деревней. Вырыли мощные землянки для солдат, а комсостав разместился по избам деревенским. Но пока нас формировали и выдавали новое снаряжение, видим, что война, по сути дела, заканчивается.

После победоносного завершения войны И.В. Сталин дал указание подготовить и провести «особый парад», в котором должны участвовать представители всех фронтов и всех родов войск. Генеральный штаб 24 мая представил ему свои предложения. Сталин принял предложения о порядке проведения парада, но не согласился со сроком его проведения — через два месяца. Он приказал провести его через месяц. В наше время некоторые исследователи выражают недоумение, почему был выбран именно этот день — 24 июня, ведь, казалось бы, более логично выбрать 22 июня.

97-й гвардейский минометный полк, в котором я служил, тоже участвовал в этом параде. Конечно, не весь. Отбирали тех, кто отличился в боях и имел боевые ордена. Мне повезло, что в числе других выбрали и меня. Через Красную площадь мы ехали на «студебеккерах», сидя на специально оборудованных скамейках. Погода была неважная, моросило. Но настроение было праздничное.

После прохождения сводных полков всех фронтов на площадь вступила специальная колонна солдат в касках, которые несли опущенные до земли 200 знамен и штандартов разгромленных немецко-фашистских войск. Под дробь барабанов эти знамена были брошены к подножию мавзолея. Солдаты были в перчатках, чтобы не марать рук о знамена врага, подчеркнуть к ним презрение. Это было глубоко символичное, волнующее зрелище.

Через несколько лет, уже будучи демобилизованным, я узнал, что в стране была создана общественная организация участников первого

Парада Победы. Я начал выяснять, как же мне подтвердить, что я тоже был одним из участников. Послали запрос в военный архив в Подольске, где хранятся списки участников Парада. Да, нашли такой список, но в нем не было слов «участник Парада», а лишь то, что нашей группе участников Парада первыми выдали тогда, в 1945 году, медали и удостоверения к медалям «За победу над Германией». Медали эти все были номерные, в отличие от последующих. В удостоверениях указывались номера, первые три цифры которых были нули. По этим нулям специалисты в Москве определяли, был ли я участником Парада. Решили, что был. Меня приняли в эту организацию, выдали соответствующее удостоверение. И теперь каждый год 24 июня мы, участники первого Парада Победы, собираемся на праздничный концерт в Москве.

Завершить эти воспоминания мне хотелось бы не в традиционном, а в лирическом плане. В грозные годы войны, особенно в 1941–1942 годах, когда значительная часть территории страны была оккупирована, массы людей вынуждены были покинуть обжитые места, перемещаться, пребывать в разобщенности и тревоге за близких. Тревожные настроения сочетались с тоской по любви, порождали особое мироощущение. Возникали (подчас стихийно) различные формы песенного творчества. В этих песнях случайные, неожиданные встречи любимых или их расставания обретали магический смысл, укрепляли веру в победу, надежду на счастье после войны. Широкую известность в народе получили песни «Катюша», «Темная ночь», «Огонек», «Синий платочек», «Смуглянка», «Севастопольский вальс» и другие. Но гораздо менее известна песня-фокстрот «Таня-Танюша, Татьяна моя». Между тем ее история восходит к возникновению еще до войны ряда подобных вариантов в зарубежных странах. Так, в интернет-статье «История одного фокстрота» отмечается, что в США в 1920-х годах была известна подобная песенка-фокстрот «Катинка». Позже, в 1930–1940-х годах, другие варианты прозвучали в Финляндии, Польше. Нашелся и русский вариант. Еще до войны известный композитор В.И. Агапкин, автор «Прощания славянки», записал на пластинку в исполнении оркестра эту песенку под названием «Катя-Катюша». Тогда же в народе она стала известна под названием «Таня-Танюша». Привожу текст одного из ее вариантов.

Жизнь моя полным-полна скитаний,
Переездов и переживаний,
Кое-что учесть, кое-что извлечь
Можно из минувших встреч.
Ну, словом:
Помню городок провинциальный,
Тихий, захолустный и печальный,
Церковь и вокзал,
Городской бульвар.
И среди мелькавших пар
Гляжу и
Вижу знакомый родной силуэт,
Синий берет,
Синий жакет,
Белая блузка и девичий стан —
Мой мимолетный роман.
Ах-ма!
Таня, Танюша, Татьяна моя,
Помнишь ли знойное лето это!
Разве мы можем с тобою забыть
То, что пришлось пережить.

Показательно, что непритязательная, но с красивой мелодией песня стала любимой для многих, в том числе курсантов Подольского военного училища. В фильме «Битва за Москву» (1985) показано, как отряды снятых с занятий курсантов идут строем под эту песню в бой с рвавшимися к Москве немецкими войсками. В октябре 1941 года в неравном бою погибли две тысячи курсантов. Песня стала для них прощальной. В песне обращает на себя внимание рефрен слова «синий» (синий берет, синий жакет...). Что он означает? Это влекущий своей таинственностью цвет небес, символ веры и вечного успокоения. Он употребляется и в некоторых других песнях («Синий платочек»), живописи, сказках (синее море, синие горы, синее небо).

Выжившие курсанты Подольского военного училища в день открытия памятника на Ильинском рубеже

* * *

Остается добавить, что в 1946 года я поступил в Московский государственный институт международных отношений. С 1958 года по настоящее время работаю в Институте философии Российской академии наук. Был заведующим сектором, ныне — ведущий научный сотрудник. Автор более 350 научных трудов по истории зарубежной и отечественной философии, философской антропологии и современным проблемам политологии. Опубликовал, впервые на эти темы в отечественной науке, монографию «Философская мысль в Швеции», «Человек как предмет философского познания» (1972) и другие работы. Написал ряд глав в учебниках для вузов, в том числе в новом учебнике «Философия» (Издательство «Норма», 2005).

В современном беспокойном мире растет интерес к проблемам политики вообще и политической философии особенно. Какой вклад внесли философы в победу в Великой Отечественной войне? В апреле 2015 года на базе Института философии РАН в Москве состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Философия войны и мира», посвященная 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. На заседаниях были обсуждены доклады об итогах второй мировой войны в свете европейского дискурса политики памяти, о Второй мировой войне как апогее политической глобализации, о проблеме исторической правды о Великой Отечественной войне, информационной войне Запада против исторической памяти россиян, правде и лжи о Великой Отечественной войне, современном терроризме как войне XXI века и другие. Наряду с другими я тоже принял участие в этой конференции, подчеркивающей всемирно-историческое значение великой Победы.